

О. Н. БАДЕР

(Москва)

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ УРАЛА В ЭПОХУ КАМНЯ И БРОНЗЫ

1.

Выступая с кафедры Второго Уральского Археологического совещания, я испытываю волнение и радость: идея регулярных Уральских Археологических совещаний, родившаяся в 1947 г. в Перми, оказалась жизненной и осуществляется теперь в новых, очень изменившихся условиях.

Тогда, 14 лет назад, нас, уральских археологов, было мало. Уральская археология понесла тяжелые потери в годы Отечественной войны¹. Из присутствующих в этом зале только три археолога приняли участие в Первом Уральском Археологическом совещании в 1947 г.: Е. М. Берс, К. В. Сальников и я. Кроме того, там были Н. П. Кипарисова и М. А. Бадер; из Москвы приехали А. В. Збруева и И. А. Талицкая; из Ленинграда прислали свои доклады А. А. Иессен и А. П. Окладников.

Но в опубликованном списке участников Первого Уральского Археологического совещания, помимо более или менее случайных фамилий студентов Пермского и Свердловского университетов, можно найти и фамилию учащегося 37-ой средней школы г. Перми В. Оборина, и этот факт весьма символичен. С тех пор мы, ветераны уральской археологии, не только понесли новые потери (Н. П. Кипарисова, И. А. Талицкая), но и успели обрасти крепким молодым поколением, в руках которого будущее уральской археологии.

В самом деле: бывший тогда школьником В. А. Оборин — теперь кандидат наук, автор более 20 печатных работ, доцент и руководитель археологии в Пермском университете. То же самое можно сказать о выпускнике Пермского университета кандидате наук В. Ф. Генинге, руководителе археологических работ в Свердловске, об их товарищах по университету кандидатах наук З. П. Соколовой, Б. Г. Тихонове, Р. В. Чубаровой. Скоро приобретут ученую

¹ О научном наследстве советских исследователей археологии Урала Н. Н. Бортвина, П. А. Дмитриева, Н. А. Прокошева, М. В. Талицкого, Д. Н. Эдинга, Е. П. Аликина и С. Н. Топоркова см. УЗ Пермского ун-та, т. IX, в. 3, 1953.

степень аспиранты-уральцы В. Д. Викторова и В. А. Могильников. Активно работают на Урале молодые археологи — выпускники уральских университетов: В. П. Денисов и Ю. А. Поляков (Пермский музей), А. Д. Вечтомов и И. С. Поносова (Пермский университет), Ю. Кутаков (Пермское управление культуры), Г. А. Шокшуев (Кунгурский музей), Н. А. Мажитов (Башкирский филиал АН), Г. И. Матвеева (Троицкий музей), В. С. Стоколос (Челябинский музей), В. Е. Стоянов (Уральский университет), Г. Т. Кондратьева (Ижевский музей) и др. На Урале нашли применение своим силам молодые питомцы Киевского университета — присутствующие здесь Г. М. Буров и В. И. Канивец (Коми филиал АН). Умножилось и число краеведов-археологов, многие из которых принимают участие в настоящем совещании.

Чрезвычайно усилила уральскую археологию организация археологических групп при Башкирском и Коми филиалах АН СССР в Уфе и Сыктывкаре. После Первого Уральского совещания шире развернули археологические исследования на Урале Институт Археологии АН СССР, Государственный Исторический музей (Москва), некоторые уральские музеи (например, Челябинский, Пермский, Тагильский, Удмуртский).

Естественно, что все перечисленные факты обусловили постоянное и быстрое накопление очень большого нового археологического материала, нуждающегося в обобщении. В то же время усилия многих археологов и научных организаций по изучению огромного по протяженности Урала давно требуют постоянной координации.

Вот почему периодический созыв уральских археологических совещаний становится все более настоятельной необходимостью.

2.

Если в дореволюционный период археологическое изучение Урала проходило под знаком решительного преобладания местной традиции (напр., см. Теплоухов, 1892), то в течение двух первых десятилетий советского периода основная роль перешла к центральным научным организациям Москвы и Ленинграда. В этот период были заложены основы современных представлений о каменном и бронзовом веках на Урале.

В Приуралье крупнейшими достижениями рассматриваемого периода явились открытия достоверных следов палеолитического человека на Чусовой (Талицкий, 1940 а, 1940 б) и на Южном Урале (Бибилов, 1940), а также раскопки Левшинской неолитической стоянки в устье Чусовой (Шмидт и Прокошев, 1935; Шмидт, 1940; Прокошев, 1940 а), известного Турбинского могильника (Schmidt, 1926; Прокошев, 1936, 1941) и нескольких энеолитических поселений (Прокошев, 1940 б, 1940 в; Станкевич, 1940).

В Зауралье важнейшее значение имели раскопки Д. Н. Эдинга на Горбуновском торфянике, где была открыта замечательная деревянная скульптура (Эдинг, 1940). В лесном Зауралье систематические раскопки памятников неолита и бронзы были начаты П. А. Дмитриевым, выделившим особую шигирскую культуру

(Дмитриев, 1935). В междуречье Туры и Исети им исследовались памятники другой культуры, синхронной шигирской (Дмитриев, 1938, 1945). На Северном Урале были обследованы поселения эпохи неолита и бронзы с остатками огромных землянок (Боч, 1937; Чернецов, 1941). В. Н. Чернецов в 1927 и 1938 гг. зафиксировал на скальных изображения, среди которых были представлены и писаницы II тысячелетия до н. э.

На Южном Урале наиболее существенное значение имеет открытие памятников абашевской культуры: Верхне-Кизыльского клада близ Магнитогорска (Bortvin, 1928), поселений на р. Белой (Дмитриев и Сальников, 1941), а также исследования К. В. Сальниковым памятников андроновской культуры (Сальников, 1940).

В довоенный период были сделаны попытки широкого обобщения археологических данных по Уралу. Первая из них, посвященная преимущественно Зауралью, принадлежала А. А. Берсу (1930), вторая по Прикамью — А. В. Шмидту.

Основные итоги работам довоенного периода на Урале подведены в «Материалах к Всесоюзному археологическому совещанию» (Москва, 1945) и на Первом Уральском Археологическом совещании 1947 г.

Интенсивное накопление археологических материалов по Уралу привело еще до войны к публикации особого тома «Материалов и исследований по археологии СССР» — «Археологические памятники Урала и Прикамья» (т. I, 1940).

Недавно в Перми составлена и опубликована аннотированная библиография по археологии Урала за 1918—1940 гг. (Ширинкина, 1960).

3.

В годы Отечественной войны археологические работы на Урале не прекращались (Бадер и Оборин, 1953). Особенной интенсивностью они отличались в Свердловске, Нижнем Тагиле и Уфе. Тагильским музеем была исследована неолитическая стоянка на Полудёнке (Бадер, 1945 а, 1948 а, 1949), а в Уфе составлена сводка об археологических памятниках Башкирии (Коншевский, 1948).

Работы послевоенных лет развернулись в еще небывалых на Урале масштабах и проходили под знаком возобновления и решительного укрепления местных традиций.

Основными центрами развертывания археологических исследований стали Пермский и Уральский университеты, где были организованы кабинеты археологии (Бадер, 1948 б), явившиеся первоначальными археологическими ячейками: в Свердловске в 1945 г. (К. В. Сальников, Е. М. Берс), в Перми в 1947 г. (О. Н. Бадер).

В апреле 1947 г. при Пермском университете было проведено I Уральское Археологическое совещание. Его основной целью было установление научной преемственности по отношению к довоенным исследованиям, разработка рекомендаций к четырехлетнему плану археологических изысканий на Урале (на 1947—1950 гг.) и координация работ. Один из пунктов постановлений совещания

гласил: «В целях дальнейшей координации научных усилий и укрепления коллектива уральских археологов считать необходимым уральские археологические совещания созывать периодически, по возможности ежегодно, притом в различных центрах Урала. Созыв следующего совещания наметить в Свердловске при Уральском университете в 1948 году» (Первое Уральское Археологическое совещание, 1948).

Однако ни в 1948 г., ни позже, в течение 14 лет по различным причинам Второе совещание не могло состояться, хотя в 1951 г. при Пермском университете была разработана его детальная повестка и даже отпечатаны пригласительные билеты.

В 1947 г. при Пермском университете была утверждена специализация по археологии, обусловившая возможность формирования крепкого молодежного коллектива и проведения больших экспедиций своими силами. К сожалению, теперь археологическая специализация закрыта, что резко сузило потенциальные возможности Пермского университета как одного из археологических центров Урала.

В том же 1947 г. была организована и в течение 13 лет работала преимущественно в зоне камских новостроек Камская археологическая экспедиция (КАЭ) Пермского университета, были созданы лаборатория КАЭ и Музей археологии Прикамья. КАЭ опубликовала уже три выпуска своих трудов (УЗ ПГУ, Труды КАЭ, 1953, 1956, 1960) и более 150 отдельных статей, списки которых приведены в указанных Трудах. В 1948—49 гг. в Перми был подготовлен сборник «Материалов по археологии Урала» объемом около 40 печ. листов, который не мог быть опубликован в местном издательстве и лег в основу двух следующих томов (II и III) «Материалов и исследований по археологии Урала и Приуралья», изданных ИИМК АН СССР (МИА, №№ 21 и 22).

В июне 1954 г. была проведена четырехдневная расширенная сессия Ученого совета историко-филологического факультета Пермского университета, посвященная открытию при университете Музея археологии Прикамья. На сессию приехали археологи и музейные работники почти из двух десятков городов Урала и Западной Сибири — от Сыктывкара до Орска, от Кирова до Омска. По существу эта сессия вылилась во II Уральское археологическое совещание (Вечтомов, 1956).

В 1959 и 1960 гг. Институтом Археологии АН СССР были проведены работы очень крупной Воткинской экспедиции, основным контингентом которой явился все тот же молодой коллектив пермских археологов. В итоге этих работ уже опубликованы два тома «Отчетов Камской (Воткинской) экспедиции (1959 и 1961 гг.)».

В целях популяризации и развития археологических знаний об Урале было издано несколько книг обобщающего характера (Сальников, 1948 б, 1949; Бадер, 1950; Сальников, 1952 а; Берс, 1954; Древнейший период истории Башкирии, 1956; Бадер и Оборин, 1958; Генинг, 1958; Памятники культуры Коми АССР, 1959). В книге О. Н. Бадера (1950) содержится раздел по методике архе-

ологических обследований, служащий инструкцией для студентов и краеведов. Большую помощь археологам Урала оказали изданные Академией Наук «Материалы к археологической карте Прикамья» (Талицкая, 1952), «Древняя история Нижнего Приобья» (МИА, № 35, 1953) и «Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири» (МИА, № 58, 1957). В Перми опубликована аннотированная библиография литературы по археологии Урала за 1941—1953 гг. (Ширинкина, 1956), а в Свердловске — «Каталог археологических коллекций Свердловского краеведческого музея» (Берс, 1959 б).

Свердловские археологи также развернули систематические экспедиционные работы в лесном Зауралье и на Южном Урале. В феврале 1958 г. на Первой межобластной конференции по истории Урала работала археологическая секция, собравшая многих участников. Итоги этой конференции недавно опубликованы в печати (сб. «Из истории Урала», 1960).

План археологических исследований, намеченный Первым совещанием, давно выполнен. Следует пожелать, чтобы Второе Уральское археологическое совещание сформулировало задачи для наших дальнейших объединенных работ и явилось новым толчком для дальнейшего развития археологии на Урале.

4.

Перехожу к краткому обзору основных научных итогов и первоочередных задач.

Палеолит.

Крупнейшая на Урале палеолитическая стоянка им. Талицкого на Чусовой в 1945—1952 гг. исследована до конца на средства Академии наук, Пермского университета и Тагильского музея. Добытый материал позволил автору подтвердить мнения М. В. Талицкого и М. В. Воеводского о сибирском характере культуры этого памятника.

Обследовано также несколько новых местонахождений, позволивших заметно пополнить карту палеолитических памятников Урала.

Большой интерес представляет Горновское местонахождение на левом берегу Белой, близ Уфы, открытое А. П. Шокуровым. Установленная раскопками стратиграфия этого памятника подтверждает позднеерисский возраст ранней поры верхнего палеолита на Урале (Шокуров и Бадер, 1960).

Но особенно важным является открытие в 1959 г. сотрудником Башкирского гос. заповедника зоологом А. В. Рюминым палеолитической пещерной живописи в Каповой (Шульгановой) пещере в верховьях Белой (Рюмин, 1960 а, б, в). Обследование, произведенное автором в 1960 г., подтвердило палеолитический возраст этого памятника (Черникова, 1960; Бадер, 1961; см. также статью во втором выпуске материалов Совещания).

Другой верхнепалеолитический памятник первостепенного значения был открыт в 1960 г. геологом Б. И. Гуслицером в Мед-

вежьей пещере на Печоре и исследован в том же году В. И. Канивцем (Гуслицер, 1960; Гуслицер и Канивец, 1960 а). Это открытие, в связи со столь северным положением памятника, явилось неожиданностью; оно значительно расширяет наше представление об ойкумене палеолитического человека в Европе.

Начатое очень давно изучение уральских пещер (Бадер, 1951) в последнее время значительно оживилось (Бадер, 1961), однако в Зауралье исследована пока только одна пещерная палеолитическая стоянка на Медведь-камне близ Тагила (Бадер, 1953 б, 1960 б).

Собранный материал создал возможность публикации важных палеолитических памятников (например, Талицкий, 1946; Бибилов, 1950 а), исследования о первоначальном заселении Урала человеком (Бадер, 1947 б) и сводной работы о раннем палеолите Урала и Поволжья (Бадер, 1955). Для объяснения сибирского характера камского палеолита была выдвинута гипотеза о существовании в плейстоцене палеогеографического барьера по линии Дон-Каспий, изолировавшего Урал и Поволжье от основной части Европы (Бадер, 1947 б, 1956). Автором выдвинуто положение о вероятности заселения Урала и Поволжья с Кавказа еще в ашельское время (в докладах в 1956 и 1958 гг; Бадер, 1960 б). Этого взгляда придерживается также С. Н. Бибилов (1959).

Первоочередные задачи в области изучения палеолита на Урале представляются в следующем виде.

1) Организация систематических поисков следов палеолита в аллювиальных отложениях и в пещерах Южного и Среднего Урала до широты Печоры.

2) Исследование Медвежьей пещеры на Печоре, Каповой пещеры и других уже открытых пещер Южного Урала.

3) Публикация стоянки Талицкого и других палеолитических памятников Урала.

Мезолит

Стоянки мезолитического типа впервые на Урале изучены автором в 1947 г. и в последующие годы на берегах Камы в ее среднем течении. Они отличаются ярко выраженным микролитическим характером каменного инвентаря и отсутствием керамики, сближаясь по этому признаку со стоянками Верхней Волги и Оки, но отличааясь от них отсутствием черешковых наконечников стрел из ножевидных пластин и наличием трапециевидных вкладышей (Бадер, 1951 а, 1953 а; Бадер и Тихонов, 1954 и др.). Аналогичные памятники позднее обнаружены на Нижней Каме (Халиков), на Белой близ Уфы и ниже ее (Шокуров, Матюшин) и на Вычегде (Буров, 1959 а, 1959 б, 1961) и, по-видимому, даже на Печоре (Чернов, 1959). На Вычегде памятники этого рода так же, как и многие местонахождения на Каме, располагаются на более высоких, т. е. более древних участках боровых террас, чем неолитические стоянки. В горной части Южного Урала следы мезолита обнаружены в пещерах К. В. Сальниковым.

Несколько иной тип мезолитической культуры с микролитическим инвентарем обнаружен на Андреевском озере в Зауралье

В. Н. Чернецовым (1953) и справедливо связывается им с мезолитической культурой типа стоянки Джебел.

Наконец, следы мезолита обнаружены В.М. Раушенбах у Голого Камня близ Нижнего Тагила, но там каменный инвентарь отличается резко выраженным макролитическим характером (Кипарисова, 1956) и является, видимо, более древним.

В последние годы опубликован ряд исследованных памятников эпохи мезолита (Бадер, 1951 а; Бадер и Тихонов, 1954, и др.). Автором выдвинута гипотеза о развитии на Урале раннемезолитической культуры макролитического характера на базе местной палеолитической культуры сибирского типа, для которой, по мере приближения к концу палеолитического времени, становится характерной макролитизация каменного инвентаря. Эта ранняя, местная фаза лесного уральского мезолита представлена памятниками типа Голого Камня близ Тагила (Бадер, 1953 б, стр. 354). В дальнейшем параллельно с отодвиганием на север ландшафтных зон в первой половине голоцена с юга появляются новые охотничьи племена: в Прикамье из Понто-Каспия стоянки типа Огурдина, с трапецевидными вкладышами (Бадер, 1956, ст. 55), в Зауралье — из Средней Азии (Чернецов, 1953). Указанные миграции должны были усилить европеоидный антропологический элемент на Урале (Бадер и Оборин, 1958, стр. 35).

А. Я. Брюсовым выдвинута гипотеза о мезолитическом возрасте группы костяных изделий (наконечников стрел, гарпунов и др.) из Шигирского торфяника, найденных при разработках: в слое сапропеля или песка под торфом, т. е. на дне древнего озера (Брюсов, 1952, стр. 33 и 1954). К сожалению, эти предметы до сих пор не встречены на стоянках в составе определенных вещевых комплексов, что снижает достоверность их датировки.

Первоочередными задачами в изучении уральского мезолита представляются: 1) публикация исследованных памятников, 2) продолжение поисков и раскопок и 3) детальное выяснение стратиграфических условий залегания упомянутой древнешигирской кости по возможности с постановкой раскопок.

Неолит

Начало современному этапу изучения неолита на Урале было положено очень удачными раскопками стоянки на р. Полуденке еще во время войны, в 1944—1946 гг. (Бадер, 1947 а, 1948 а, 1949). Если раньше представление о восточноуральском неолите было основано на довольно разнородном и в значительной мере более позднем материале (Окладников, 1948), то теперь оно было конкретизировано и уточнено обширным материалом с Полуденки. К этой же эпохе относятся стоянки на «Стрелке» (Брюсов, 1954 а; Раушенбах, 1956), Честный-Яг (Чернецов, 1941) и некоторые другие.

Однако наиболее плодотворными были исследования неолита Прикамья. В дополнение к Левшинской стоянке, единственному известному до войны неолитическому памятнику, к настоящему времени изучено еще не менее 35 стоянок (Бадер, 1951 а; Дени-

сов, 1960 а, 1961; Крижевская, 1959; Халиков, 1958). Детально изучены наскальные рисунки Писаного Камня на р. Вишере, древнейшая часть которых относится к неолитическому времени (Бадер, 1954; Генинг, 1954). Работами КАЭ построена периодизация неолитических памятников, подразделяющихся на три хронологических группы: типа Борового озера I, хutorскую и левшинскую. Установлены своеобразие и территория камской историко-культурной неолитической области (Бадер и Оборин, 1958). Выявлены несомненные культурные отличия камского неолита с его гребенчатой керамикой от волго-окского — с ямочно-гребенчатой керамикой и от зауральского — с гребенчато-волнистой (Бадер, 1950 и др.).

Неолит Южного Урала изучен пока еще очень плохо (Бибииков, 1950 б). Зато в последнее время яснее выступает неолитическая культура северо-западного Урала (территория Коми АССР), имеющая смешанный характер при преобладании камских культурных черт (Чернов, 1948, 1959; Буров, 1959 б).

Для своеобразной неолитической культуры Зауралья, несмотря на многочисленные исследования (Эдинг, Дмитриев, Чернецов, Раушенбах, Берс, Сальников, Кипарисова, Окладников, Бадер и др.), до сих пор не утвердилось общепризнанное понимание и даже название, не говоря уже о периодизации. Из последних исследований памятников, относящихся к этой культуре, особенно важны раскопки на озерах Кысы-куль (Сальников, 1948 б, 1952 а), Чебаркуль (Кипарисова, 1955) и Андреевском (Чернецов, 1953), а также на Кокшаровской стоянке близ Тагила (раскопки А. И. Россадович).

Очень важно выдвинутое Е. М. Берс положение о наиболее низком стратиграфическом положении уральской керамики типа Сперрингс (Берс, 1959 а).

Первоочередными задачами в области изучения неолита представляются: 1) публикация исследованных памятников, 2) продолжение раскопок в Зауралье, на Севере и на Южном Урале, 3) установление локальных вариантов и периодизации неолита в Зауралье и на Южном Урале и их соотношения с неолитом Прикамья и Средней Азии.

Эпоха бронзы

Особенно крупные экспедиционные работы проведены опять-таки в Прикамье (О. Н. Бадер, В. П. Денисов, З. П. Соколова, А. М. Ширинкина и др.). Здесь в 1947—1960 гг. исследовано 80 поселений эпохи бронзы и на них 190 жилищ. Этот огромный новый материал позволил установить картину истории камского населения во II-м тысячелетии до н. э. и построить хорошо обоснованную периодизацию, которая может служить эталоном для смежных территорий (Бадер, 1961 а, 1961 в). Большие раскопки Турбинского, а также Турбинского II и Усть-Гайвенского могильников дали представление о погребальном обряде. Огромный новый вещевой материал этих памятников позволил связать могильники турбинского типа с основной группой синхронных поселений, составляющих вместе с могильниками единую турбинскую культуру

(Бадер, 1953). Установлено деление этой культуры на два локальных варианта — пермский и осинский, а также на два хронологических этапа — гаринский (ольховский для осинского варианта) и борский (частинский), укладывающиеся в отрезок времени от XVIII до XII вв. до н. э. включительно. Установлены также крепкие связи турбинской культуры с юго-западом и западом, в особенности с волосовской и позднебалахинской культурами Волго-окского края, рисующимися в свете новейших исследований на Каме — культурами приуральского облика.

В последние годы на Каме выявлен еще один, новоильинский культурный вариант XVI—XV вв. до н. э., представленный уже десятком поселений с архаичной керамикой, нередко украшенной «флажковым» орнаментом (Бадер, 1961 б).

Большое значение имеют раскопки поселений ерзовской культуры (XI—IX вв. до н. э.), характеризующих последний этап бронзовой эпохи в Прикамье (Денисов, 1960 б). Здесь же обнаружены поселения с незначительным культурным слоем, содержащим гамаюнские комплексы зауральского происхождения. Эти два типа — ерзовский и гамаюнский легли в основу сложения ананьинской культуры.

В Нижнем Прикамье преимущественно исследованиями А. В. Збруевой выявлен мощный очаг древней металлургии (Иессен, 1948; Збруева, 1957) и целая серия памятников финальной бронзы, предшествовавших формированию ананьинской культуры (Збруева, 1952, гл. X; 1960).

В области изучения абашевской культуры на Урале особенно большое значение имеют раскопки К. В. Сальниковым Береговского I поселения на р. Белой, установившие залегание абашевского культурного слоя под слоем срубной культуры, сохранившим древние полтавкинские элементы. Это позволяет относить абашевскую культуру в Приуралье к более раннему времени, т. е. к середине II тысячелетия до н. э. или даже к концу первой его половины (Сальников, 1959, 1960). Далее, К. В. Сальников полагает возможным говорить о сложении абашевской культуры Южного Урала на местной энеолитической основе и даже относить абашевские племена к числу финно-угроязычных (Сальников, 1960). Тем же автором опубликована работа об абашевской культуре Приуралья (Сальников, 1954 а), и выдвинута гипотеза об абашевском генезисе ананьинской культуры (Сальников, 1954 в).

Установлено обилие памятников срубной культуры в Приуралье, где она вступила в сложные взаимодействия с андроновской, абашевской и местными культурами (Викторова, 1960).

Особенно многочисленными были раскопки памятников андроновской культуры в области Южного Урала и Зауралья, нашедшие отражение в ряде публикаций (например, Кривцова-Гракова, 1951, Сальников, 1951 а, 1952 б, 1954 б и др.). Разработана периодизация андроновской культуры, подразделенной в Приуралье на три хронологических этапа: федоровский, алакульский и замараевский (Сальников, 1948 а, 1951); некоторые авторы, впрочем, сочли нужным ввести в эту периодизацию коррективы (Кривцова-Гракова, 1951).

Большое внимание уделялось, особенно в последнее время, вопросам сложных взаимоотношений андроновской культуры со срубной, абашевской и аборигенными культурами лесного Урала (напр., см. у Збруевой, 1950, 1960).

Менее многочисленными были полевые исследования памятников эпохи бронзы в лесном Зауралье. Здесь наиболее интересный материал дали раскопки Е. М. Берс и Н. П. Кипарисовой. Однако этих исследований недостаточно, чтобы заложить основы периодизации бронзовых культур лесного Зауралья на прочной стратиграфической основе. Именно этим следует объяснить, что вопросы периодизации, рассматривавшиеся в работах Эдинга (1940), Дмитриева (1951 а), Чернецова (1953), Сальникова (1952 а), Берс (1954, 1959 а), Раушенбах (1952, 1956), Кипарисовой (1960), до сего времени не решены и требуют первоочередного внимания в будущем. Возможно, следует, не откладывая, обсудить вопросы периодизации памятников II тысячелетия, чтобы целесообразнее направить ближайшие полевые исследования.

Были опубликованы некоторые ранее собранные материалы, в том числе и старое исследование П. А. Дмитриева о шигирской культуре (Дмитриев, 1945, 1951 б; Берс, 1951; Раушенбах, 1956 и др.).

Большой интерес представляет выявленная в лесном Зауралье своеобразная гамаюнская культура поздней бронзы (Берс, 1960), имеющая далекие аналогии в Западной Сибири. Эта культура распространяется также на запад, в Приуралье, куда была принесена, надо полагать, этническими группами монголоидного типа, хорошо представленного в ранних ананьинских могильниках на Каме.

Существенно важных задач в изучении эпохи бронзы на Урале много, но следующие представляются первоочередными: 1) публикация материалов и исследований по бронзе Прикамья; 2) продолжение раскопок памятников абашевской, срубной и андроновской культур с целью выяснения их культурных и хронологических взаимоотношений, а также отношения к местным культурам; 3) установление хронологических соотношений между приуральским и средневожским локальными вариантами абашевской культуры; 4) уточнение периодизации хронологии андроновских памятников и изучение андроновской металлургии; 5) систематические раскопки памятников II тысячелетия до н. э. в лесном Зауралье с первоочередной целью создания прочных основ для периодизации; 6) широкое обсуждение вопросов локализации, содержания и периодизации зауральских лесных культур неолита и бронзы; 7) продолжение интенсивных исследований культур финальной бронзы в связи с проблемой происхождения ананьинской и других уральских культур начала железной эпохи.

В качестве дополнительной задачи, в основном выходящей за пределы Урала, следует рассмотреть вопрос о формировании абашевской культуры на основе культур волосовского типа в лесном Волгокамье и, может быть, более южных смежных районов (Подонье?).

Мне хочется обратить особое внимание Соповещания на изучение процесса и хронологии заселения Северного Урала и прилегающих к нему областей, как на чрезвычайно важную общую и в известном смысле комплексно-археологическую проблему. Дело в том, что в последние годы в пределах Коми АССР, как указано выше, сделаны очень важные открытия не только позднемезолитических, но и палеолитических памятников, что вносит весьма существенные коррективы в наши представления о заселении северо-западной Евразии. В то же время сходство некоторых архаичных костяных изделий и раннеолитической керамики типа Сперрингс на европейском северо-западе и в лесном Зауралье указывает на некоторые, очень важные пути этого расселения.

Настало время определить и те сложные культурные типы мезолитического, неолитического и более позднего характера, которые давно собраны на северо-западном Урале и уже неоднократно публиковались (Чернов, 1948 а, б и др.).

Природная среда

Считаю нужным особо остановиться на изучении крайне многообразной и к тому же изменявшейся природной среды, в условиях которой развивалось население Урала.

Для специалистов по изучению палеолита важность сбора материалов для характеристики природной среды, сопутствовавшей людям на изучаемой палеолитической стоянке, не подлежит сомнению и не нуждается в аргументации. Данные о фауне, флоре, палеогеографии и геологии палеолитического памятника нередко служат основанием для его датировки. Но и здесь еще не окончательно решены спорные вопросы о приурочении определенных культурных этапов палеолита к тем или иным геологическим эпохам плейстоцена.

Несравненно хуже обстоит дело с изучением природных условий на Урале в более позднее время, в эпоху голоцена. Пыльцевой анализ не дал желаемых результатов, и лишь геологические условия — расположение мезолитических стоянок на более высоких, тем самым более древних участках борových террас и на Каме, и на Вычегде — говорят о более раннем возрасте указанных стоянок мезолитического типа по сравнению с неолитическими (Бадер, 1957). Косвенным указанием на происшедшее в то время потепление является самый факт далекого продвижения на север неолитической культуры с явно южными микролитическими чертами.

Несколько раз я имел возможность указывать на аналогичное продвижение на север, в лесную зону — южных, скотоводо-земледельческих культур: андроновской, срубной, балановской, совпавшее и в значительной степени обусловленное смещением к северу ландшафтных зон в условиях сухого и теплого ксеротермического периода (напр. Бадер, 1960 б; Бадер и Кадилов, 1957). В первой из указанных работ, так же как и в одной из последних (Бадер,

1960), учитывая стратиграфию уральских торфяников и глубокое внедрение южных культур в области лесного Севера в первой половине железного века, автор выдвинул положение о существовании ксеротермического периода II и его значительной роли на Урале.

Однако в последнее время вновь высказываются скептические мнения относительно ксеротермического периода в голоцене. Поэтому со стороны археологов необходимо самое пристальное внимание к сбору материалов для определения геологических условий залегания культурных слоев, для пылецевого, радиоуглеродного и палеомагнитного анализов, для определения всей совокупности природных условий, окружавших каждый исследуемый памятник.

Должен сказать, что в последние годы существование ксеротермического периода получило ряд новых доказательств по сравнению с приведенными мною в 1950 г. Особенно ценны выводы гидрологов, основанные на изучении донных отложений озер, в том числе уральских (Дзенс-Литовский, 1956). Озероведы подтверждают существование не только ксеротерма I, но и ксеротерма II, при этом используют мою аргументацию и даже предложенную мною терминологию.

Существенное подтверждение оба ксеротермические периода получили и в некоторых последних ботанических работах (напр., Аникина, 1961).

В заключение отмечу большие успехи, достигнутые в послевоенные годы в области сбора и изучения палеоантропологического материала на Урале и укажу на необходимость самого бережного отношения к нему в дальнейшем.

★ ★ ★

Для успеха дальнейших археологических исследований на Урале на их современном этапе необходимо объединение целесообразно направленных усилий в масштабе всего Урала. Это возможно только при постоянной координации работ, ведущихся различными организациями. Такая координация будет достигнута при регулярном созыве Уральских Археологических совещаний.
